

Остановить время: по следам трагедии «Орестея»

Гайгер Олеся Валерьевна

- Психиатр, психолог, психоаналитический психотерапевт
- Член ЕАРПП (РО-Москва)

«Орестеей» Эсхила не просто великая трагедия и великая поэма, [но] также попытка выдающегося ума осмыслить проблему Греха, Наказания и Прощения».

Доклад Рональда Бриттона, который он посвятил вопросам прощения и изучения того, кто или что «заставляет» нас мстить называется: «Время должно остановиться». В качестве примера он взял трагедию Эсхила «Орестея», написанную в 5 веке до нашей эры, о которой профессор Гилберт Мюррей сказал так: «...это не просто великая трагедия и великая поэма, [но] также попытка выдающегося ума осмыслить проблему Греха, Наказания и Прощения».

Какую бы историю мы ни взяли, античную трагедию или вчерашнюю ссору, везде присутствует мысль, которой «управляет сама жизнь». Эта мысль является ничем иным, как уязвленной гордостью, обидой, стыдом и унижением, и именно это должно остановить Время. Традиционной остановкой или «пробкой» (в движении времени) является месть, ведь только месть может довести обидчиков до поражения, и только смерть может положить конец войне. Кровь должна быть пролита за кровь.

Кляйн уже выдвигала идею о том, что предшественником Суперэго является ужасающий внутренний объект, который при оптимальных условиях развития преобразуется в совесть и мораль.

ны в Суперэго, никуда не исчезают. Они существуют, оставаясь погруженными в «глубокое бессознательное», и не интегрируются в Суперэго.

Смысл слова «глубокое» состоит в том, что в нормальной жизни они не играют никакой роли в динамическом бессознательном, и не имеют ни прямого, ни косвенного доступа к Эго. Они могут проникать внутрь только тогда, когда физическая болезнь или психоз, а также тяжелые травматические события, ослабляют Эго. Другими словами, как и в пьесе «Орестея», эти страшные существа представляют собой потенциальную угрозу и в любой момент могут как бы «воскреснуть». Подтверждение их существования можно обнаружить в детских играх, ночных страхах, бреде, а также в наших самых страшных ночных кошмарах.

Если считать, что Суперэго, скорее, является олицетворением идеализированных родителей и их запретов, но не их поведения, то конфликт, представленный в «Орестее», между поклонением Природе, олицетворяемой Матерью-Землей, и Аполлоном, представителем Интеллекта и Воли при Отце-Зевсе, начинает играть другими красками.

Герои пьесы никак не могут договориться, считается ли преступлением убийство мужа его женой? Является ли это посягательством на святость брака и главенство Зевса (отца)? Является ли связь мужчины и женщины, которые объединены родительскими узами, «узами более надежными», чем кровные? Является ли преступлением убийство сыном матери по требованию мстящего ей призрака – его отца? «Мать не является матерью... человеческая мать по своей функции точно такая же, как Мать-Земля. Она обеспечивает почву для семени, но не обеспечивает само семя», говорится в пьесе. Коль так, является ли убийство матери посягательством на святость кровных уз и главенство матери?

Бриттон утверждает, что взаимоотношения, конфликты, узлы, связь внутренних родителей, имеют решающее значение для структуры нашего Суперэго и его отношений с Эго. Процесс усмирения призраков предков (родительских объектов) представлен в психоаналитической теории как своего рода соглашение между Эго и Суперэго. Это соглашение может быть достигнуто только при достаточно

Кто или что толкает нас на месть? В свое время Кляйн выдвинула идею о том, что предшественником Суперэго является ужасающий внутренний объект, который при оптимальных условиях развития преобразуется в мораль и совесть. Но в другой версии психического развития, которую Кляйн предложила позднее, она допускала, что те психические монстры, которые не были трансформированы

Традиционной остановкой или «пробкой» (в движении времени) является месть, ведь только месть может довести обидчиков до карающего их поражения.

хорошо развитой функции Эго, которая является ключевым аспектом человеческого мышления, – способности рассуждать. Рассуждение, как функция Эго, — это ожидание, основанное на научении из опыта. В этом и состоит наиболее критическое различие между Эго и Суперэго, потому что притязания Суперэго на знание будущего основаны на желаниях, добродетельном предписании, покаянном страдании или на ужасе. Эго, для того, чтобы стать свободным и верным самому себе, должно освободиться от Суперэго с его суевериями, которые не основаны ни на опыте, ни на мышлении, но являются предвзятыми и повторяющимися.

Эсхил нам ясно дал понять, что его пьеса выражает надежду на то, что, если произойдет покаяние и восторжествует справедливость, то этот конфликт прекратится. Ведь только прощение может снять проклятие с Дома Атрея, и только прощение может остановить призраков от того, чтобы они преследовали нас с требованиями мести (как это было в «Гамлете»).

Бриттон пишет: «Эсхил, превосходящая философов, надеялся представить внутреннюю совесть, в которой сострадание и разум находятся не в оппозиции, а в союзе. Это

Осознание того, что половой акт является причиной беременности и рождения ребенка, привело к большим потрясениям в древнем мире. Оно подняло вопрос о социальном и религиозном статусе сексуальных партнеров царицы (королевы) во многих культурах.

является именно тем, что имели в виду Фрейд и Кляйн, когда надеялись, что в процессе человеческого развития из грубой справедливости может развиваться прощающая совесть. Я думаю, что существует связь между субъективным self (Эго) и комплексом Суперэго, состоящим из внутреннего материнского объекта и внутреннего отцовского объекта. Другими словами, это — треугольник отношений, в котором в оптимальном случае родительские призраки находятся в мире и согласии друг с другом.

Если они находятся в состоянии войны, то из-за несовместимых привязанностей центральное self разделяется на части, и в экстремальных ситуациях индивид чувствует себя вынужденным повиноваться конфликтующим смертоносным фигурам. Страх преследования не дает self покоя ни с одной стороны, ни с другой. Мы можем назвать это комплексом Ореста — потенциально универсальным внутренним комплексом, адским, вечным треугольником, впервые встреченным в Афинах, и не похожим на тот комплекс, который поразил его кузена Эдипа в соседних Фивах.

За годы психоаналитической практики Бриттон был впечатлен рядом случаев, когда пациенты бессознательно стремились репарировать разрыв брака между своими предками (родителями) посредством того, что поддерживали успешный брак в своей собственной жизни, многократно совершая акты прощения в качестве репарации. Как будто попытки «установления истины и примирения» посредством повторного

отыгрывания могли помочь их внутренним призракам стать более покладистыми предками.

Мы также встречаемся с этим в повторных отыгрываниях, которые происходят в ситуациях переноса-контрпереноса. Можем ли мы установить мир и способствовать прощению между нашими внутренними родительскими объектами так, как мы надеялись и хотели сделать это в детстве? Ответом может быть идентификация, на этот раз повторное отыгрывание во имя благого дела! Возможно, это также происходит и при пересказе старых потенциально трагических историй, но на этот раз со счастливым концом.

Вероятно, что посредством идентификации создаются условия (или предоставляется возможность) для того, чтобы два важных внутренних объекта смогли простить друг друга,

то есть, сделать то, что они уже не в состоянии «сделать» сами. Это, как считает Бриттон, является предтечей более поздних религиозных практик, а также церемониальных возлияний для упокоения мертвецов в их могилах. Хотя без раскаяния подобные ритуалы являются чистой воды лицемерием.

В христианстве, хотя это и вызывает споры со времен Реформации, тот же импульс, но в более абстрактной форме, сохранился в молитвах за умерших, которые больше не могут молиться за себя. В своей работе Бриттон подчеркивает психическую реальность призраков предков, а также необходимость освободиться от их диктата. В древнегреческих

«Глубокое бессознательное»
в понимании Мелани
Кляйн, подобно «системе
бессознательного»
Фрейда, не подвластно
времени в том смысле,
что находится вне времени.
Время для Эго - это конструкция,
неважно сознательная
или бессознательная, которая,
как и место, всегда имеет контекст.

понятиях это означало бы освободить семью от проклятия, как освободить от проклятия Дом Атрея.

Чтобы сделать это, мы должны побольше узнать о том, что эти психические призраки могут рассказать о себе, причем, не только об их отношениях с нами, но и о том, как мы представляем себе их отношения друг с другом, чтобы не повторять вслепую их преступления. Как аналитики, мы можем предложить от имени всех распинателей, распинающих Христа, усилить мольбы Святого Луки о сострадании к невежеству: «Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят». Это заманчиво, но, как психоаналитики, мы пытаемся приподнять бессознательную завесу забвения, которая, как считается, обеспечивает защиту, но на самом деле препятствует свободе».